

I. ЧЕЛОВѢКЪ.

Время рожденія Платона совпадаетъ съ первыми годами Пелопонесской войны, съ тѣмъ кульминаціоннымъ пунктомъ греческой исторіи, когда минутный блескъ настоящаго еще скрываетъ начало упадка. Родина Платона—Аѳины, въ это время неоспоримое средоточіе греческой жизни и господствующій городъ, только что съ гордой увѣренностью въ побѣдѣ начавшій борьбу, которая въ концѣ-концовъ должна была сломить его могущество. Внутри его царитъ богатая, разнообразная жизнь, гдѣ всѣмъ силамъ воли и разума предоставлена полнѣйшая свобода. Демократическій строй, и сопряженная съ нимъ опасности уже начинаютъ сказываться; общественная жизнь становится болѣе бурной и дикой, страсти толпы дѣлаются верховною волей, и классовое различіе между бѣдностью и богатствомъ получаетъ все болѣе и болѣе мрачное и могучее значеніе. Но изъ этой мутной среды возникаютъ свѣтлые образы искусства и науки. Драматическая поэзія даетъ лучшіе свои плоды въ трагедіи и комедіи, городъ наполняется высокими произведеніями скульптуры, и мужи серьезной науки, какъ и софисты,—все идетъ въ Аѳины.

Въ этомъ то мірѣ приподнятой и напряженной культурной жизни родился Платонъ—тотъ духъ, въ которомъ должны были сосредоточиться и прорисоваться пылкія стремленія его времени къ созданію новаго идеала.

Его жизнь, хотя она совпадаетъ съ столь ярко освѣщенной исторической эпохой, можно съ полной достовѣрностью возстановить лишь въ общихъ чертахъ; относительно многихъ подробностей мы, къ сожалѣнію, находимся въ совершенномъ невѣдѣніи. Этимъ мы обязаны общему характеру древнихъ преданій; даже то, что сохранилось отъ нихъ до нашихъ дней, часто является въ очень неопредѣленныхъ очертаніяхъ. И вокругъ личности Платона уже давно, какъ плюцъ, обвилась создательница мифовъ—фантазія, въ такомъ обилии переплетавшаяся у грековъ съ жизнью и съ повѣствованіемъ, что мы лишь съ трудомъ можемъ составить себѣ представленіе объ этомъ и съ не меньшимъ трудомъ можемъ отдѣлать факты отъ той пестрой оболочки, которою они окружены. При этомъ личность, столь рѣзко выраженную и съ такой неуклонной энергіей защищавшую высокий принципъ, какъ Платонъ, поклонники неизбѣжно должны были окружить ореоломъ, а противники такъ же неизбѣжно очернить. Поэтому потребовалась долгая и многочисленная работа, прежде чѣмъ исторической наукѣ удалось съ нѣкоторой достовѣрностью возстановить образъ великаго человѣка. Историко-филологическія изслѣдованія, которыя въ нашемъ столѣтіи, уясняя, дополняя и исправляя, оказали исторіи философіи столь цѣнныя услуги, ни на какой другой вопросъ не были направлены съ болѣе важнымъ интересомъ и болѣе крупнымъ успѣхомъ какъ именно на вопросъ о Платонѣ и его ученіи. Кто желаетъ познакомиться съ глубокими, детальными изысканіями по этому вопросу, тому наиболѣе надежнымъ вожатымъ будетъ Эдуардъ Целлеръ (во второмъ томѣ своей «Philosophie der Griechen» 4 изд. Leipzig, 1889).

Годомъ рожденія Платона съ наибольшей вѣроятностью считается 427 г. до Р. X. Происхожденія онъ былъ очень знатнаго. Его отецъ, Аристонъ, происходилъ изъ рода Кодридовъ, его мать, Периктиона,—изъ дома Солона. Самого его собственно звали,

кажется по дѣду, Аристокломъ, и прозвище Платонъ онъ получилъ только отъ одного изъ учителей гимнастики за свою стройную фигуру. Древніе прославляли однако не только его тѣлесное сложеніе, но и красоту и гармоничность всего его облика, его завидное физическое здоровье, и мы охотно вѣримъ, что этотъ совершенный духъ обиталъ и въ совершенномъ тѣлѣ. Воспроизведенный въ началѣ этой книги образъ маститаго главы школы, въ которомъ лишь недавно узнали Платона, выражаетъ, правда, больше строгость и паосъ мыслителя, чѣмъ юношеское стремленіе ввысь.

А между тѣмъ именно это стремленіе есть черта, наиболѣе ярко, до самой старости, характеризующая личность Платона, поскольку мы можемъ узнать ее изъ его дѣятельности. Въ этомъ священномъ пареніи на высотѣ благороднѣйшихъ человѣческихъ мыслей и желаній заключается его обаяніе какъ писателя. Онъ до конца остается неутомимымъ работникомъ живого слова и пера, и въ томъ самомъ произведеніи, передъ окончаніемъ котораго его постигла смерть, въ «Законахъ», мы сквозь растянутое часто и расплывчатое изложеніе все еще чувствуемъ огненный духъ, желающій претворить дѣятельность своими идеалами, требующій выспаго отъ себя и отъ человѣчества, съ страстнымъ возбужденіемъ набрасывающійся на всякаго, кто дѣйствуетъ и мыслитъ иначе.

Какимъ наслажденіемъ было бы слѣдить за тѣмъ, какъ развивалась эта горячая голова, выросшая въ благоприятныхъ условіяхъ знатной семьи, какъ усвоивала она богатое и разнообразное содержаніе своей юности! какъ вбирала она въ себя это несравненное обиліе формъ, какъ справлялась съ ними и обрабатывала ихъ для себя! То немногое, что дошло до насъ объ этомъ путемъ преданія, незначительно и безразлично. Случайно упоминаются имена его первыхъ учителей гимнастики и музыки, руководившихъ его тѣлеснымъ и духовнымъ разви-

тіемъ; объ основательномъ знакомствѣ съ Гомеромъ свидѣтельствуетъ почти что каждая страница его сочиненій. Мы можемъ предположить, что онъ, какъ принято было въ его кругу, посѣщалъ лекціи софистовъ, манеру которыхъ онъ такъ великолѣпно умѣлъ передавать; быть можетъ, онъ лично слушалъ нѣкоторыхъ болѣе выдающихся изъ нихъ. Все указываетъ также на то, что онъ уже рано познакомился съ философской литературой: не только ученіе Гераклита, какъ неоспоримо доказано, было ему извѣстно; и ученіе знаменитыхъ Элейцевъ, и особенно ученіе Анаксагора, который самъ жилъ въ Афинахъ, были, вѣроятно, уже въ юности болѣе или менѣе близко ему знакомы. Къ нимъ безъ сомнѣнія привело его живое умственное движеніе, царившее среди афинской молодежи.

Но еще сильнѣе захватывали его навѣрное политическіе интересы. Начало его развитія, являющееся всегда рѣшающимъ для всего направленія человѣка, совпало съ самымъ бурнымъ періодомъ исторіи Атики: онъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста въ то время, когда афиняне рѣшались на блестящее, чреватое потрясающей неудачей предпріятіе — на сицилійскій походъ, и онъ возмужалъ, когда тяжелый рокъ — потеря могущества — неотвратимо повисъ надъ его роднымъ городомъ. Онъ пережилъ ту дикую борьбу, которая велась во время войны внутри родной страны. Происхожденіе заставило его примкнуть къ рядамъ аристократической партіи, которая злобно и бессильно глядѣла на роковое владычество толпы; нѣкоторые изъ его родственниковъ принадлежали къ ея вожакамъ. Если не допускать, что онъ шелъ въ разрѣзъ со своей натурой, то необходимо предположить, что онъ былъ глубоко потрясенъ всѣми этими движеніями, и что въ его душѣ уже тогда заговорило честолюбивое стремленіе посвятить всю свою дѣятельность спасенію государства и высшихъ благъ.

Однако нѣтъ основанія думать, что Платонъ рано

начать принимать активное участие въ политической жизни. Мы должны представлять себѣ его вращающимся въ кругу той знатной афинской молодежи, которая наслаждалась прелестью своего времени въ радостномъ общеніи. Въ какой мѣрѣ онъ участвовалъ въ похожденияхъ этой молодежи, несомнѣнно носившихъ часто характеръ излишествъ, — мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ онъ никогда не поступался изъ-за нихъ тѣмъ духовнымъ содержаніемъ жизни, которое эта молодежь должна была себѣ усвоить. Данное имъ изображение Алкивиада, быть можетъ въ извѣстномъ смыслѣ является его собственной исповѣдью. Но центромъ этихъ высшихъ интересовъ было блестящее развитіе поэзіи, и потому, зная, какъ распространенъ былъ въ то время стихотворный дилетантизмъ, мы не станемъ удивляться, что Платонъ заплатилъ этой склонности обильную дань въ эпической и драматической формѣ. Какъ далеко ушелъ онъ въ этомъ, — мы не можемъ опредѣлить; и при всей поэтической прелести, которую дышутъ его произведенія, кто можетъ сказать, сколько мы потеряли, если онъ дѣйствительно сжегъ, какъ передаютъ, всѣ свои стихотворные грѣхи юности, когда познакомился съ Сократомъ?

Близкія отношенія съ этимъ гениальнымъ чудачкомъ составляютъ, несомнѣнно, великую эпоху въ развитіи юности Платона. Мы не знаемъ подробностей того, какъ завязались эти отношенія; но условія, сдѣлавшія ихъ возможными, легко уяснить. Сократъ былъ рѣшительнымъ противникомъ демократическаго образа правленія; въ немъ, сынѣ бѣднаго скульптора, говорили не семейныя традиціи, а научно-обоснованное убѣжденіе. Онъ находилъ, что, если вообще въ обыденной жизни съ каждымъ дѣломъ обращаются къ человѣку свѣдущему въ данной области, то въ высшей степени неразумно въ самыхъ важныхъ, въ общественныхъ дѣлахъ предоставлять рѣшеніе не разуму, а жребію или (что еще хуже) выборамъ. Такимъ образомъ отри-

цательное отношеніе къ демократіи соединило его съ аристократической молодежью, которая при этомъ, съ своей стороны, не была свободна отъ сословно-эгоистической политики и этому не препятствовало то обстоятельство, что подъ словомъ *ἀριστοι* Сократъ понималъ наиболѣе благообразныхъ и добродѣтельныхъ людей, а его товарищи — родовое, благонамѣренное дворянство. Во всякомъ случаѣ кругъ, своеобразно создавшійся около Сократа и отличавшійся веселымъ сожительствомъ и прочной духовной связью, состоялъ главнымъ образомъ изъ представителей аристократической молодежи, и это обстоятельство безъ сомнѣнія оказало въ конечномъ счетѣ вліяніе на участь удивительнаго человѣка.

На этомъ пути завязались, вѣроятно, и отношенія между Платономъ и Сократомъ, отношенія, достигшія такой глубины и сердечности, какія возможны только между зрѣлыми людьми различнаго возраста. Мельчайшія, индивидуальныя подробности такихъ отношеній ускользаютъ, разумеется, отъ всякаго историческаго изслѣдованія; но что здѣсь передъ нами духовная связь высшаго порядка, объ этомъ свидѣлствуютъ, наряду съ многочисленными, хотя въ большинствѣ анекдотическими, древними преданіями, прежде всего произведенія Платона. Если Сократу принадлежитъ главное мѣсто въ болѣе части платоновыхъ діалоговъ, то это обусловлено свойствами данной художественной формы и, быть можетъ, общимъ направленіемъ тогдашней литературы; но манера, съ которой всюду рядомъ съ умственнымъ превосходствомъ изображается тонкими и привлекательными чертами чистый и благородный характеръ Сократа, служитъ лучшимъ доказательствомъ преданности и любви ученика, сохраняющихся и послѣ смерти учителя и принимающихъ почти религіозный характеръ благодарности и благоговѣнія. И если «Апология» носитъ извѣстный полемическій характеръ, то въ «Пирѣ» и «Федонѣ», изъ которыхъ послѣдній написанъ

спустя десятки лѣтъ послѣ смерти учителя, это священное воспоминаніе является еще болѣе сильнымъ и еще болѣе свѣтлымъ.

Если мы теперь спросимъ, чѣмъ обязанъ Платонъ этой связи съ Сократомъ, то окажется, несомнѣнно, что теоретическія доктрины имѣли для него гораздо меньшую важность, чѣмъ то этико-политическое направленіе, которое онъ заимствовалъ у Сократа. Въ смыслѣ теоріи и у самого Сократа не было ничего положительнаго: только формальную склонность и навыкъ мыслителя-діалектика могъ онъ передать своему ученику, да еще въ особенности важное по своимъ результатамъ стремленіе къ отвлеченному мышленію. Метафизическое значеніе и научную цѣнность это мышленіе, разумѣется, приобрѣло лишь у Платона.

Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что высшее сходство политическихъ убѣжденій у обоихъ стало глубже и перешло въ общность жизнепониманія, предметомъ котораго служили высшія человѣческія цѣнности. У Платона аттический мудрецъ достигъ того, что по существу, повидимому, не удалось ему въ изображеніи Алкивіада—возможности освободить отрицательное отношеніе къ демократіи отъ личныхъ и партійныхъ интересовъ и поднять его на этическую высоту, обратить политическое честолюбіе въ нравственное и борьбу за богатство, власть и почести замѣнить совмѣстнымъ трудомъ надъ высочайшими жизненными задачами. Безъ сомнѣнія не кто иной, какъ Сократъ, открылъ юному аристократу глаза на то, что и отъ его партіи нельзя ожидать оздоровленія государства, страдающаго физическими и духовными недугами; и событія, сопровождавшія окончаніе Пелопоннесской войны, могли только способствовать усвоенію этой истины. Но лишь подъ влияніемъ Сократа въ восприимчивомъ умѣ ученика возникла высокая мысль, что выходъ изъ смуты его времени возможенъ только тогда, когда весь государственный строй будетъ поставленъ на другую

почву, когда его основой вмѣсто борьбы интересовъ будетъ сдѣлано нравственное воспитаніе. Въ какой мѣрѣ самъ Сократъ, со своей практической критикой и добродушнымъ, старчески-спокойнымъ взглядомъ на увлеченія, вѣрилъ въ осуществимость такихъ идеаловъ,—это никогда не удастся рѣшить; несомнѣнно однако, что все существо Платона прониклось сознаніемъ святости этой задачи, что онъ отдался ей съ страстнымъ одушевленіемъ, которое позднѣе, хотя, быть можетъ, немногимъ позднѣе, было захватывающимъ образомъ выражено имъ въ «Горгіѣ». И возможно, что этотъ реформаторскій пылъ юнаго друга далеко переходилъ за тѣ границы, которыя поставилъ Сократъ своей тихой и непримѣтной дѣятельности, посвященной проясненію народнаго сознанія.

Другимъ пунктомъ разногласія между обѣими великими личностями является пылкость положительнаго религіознаго убѣжденія, которое въ противоположность холодному скептицизму Сократа, у Платона, во всемъ его послѣдующемъ развитіи, сыграло такую важную роль, что мы имѣемъ полное основаніе объяснить себѣ силу этого убѣжденія влияніями и привычками молодости, быть можетъ семейными традиціями. Во всякомъ случаѣ идеаль нравственнаго преобразованія политической жизни съ самаго начала выступаетъ у Платона въ такой сильной религіозной окраскѣ, какую совершенно невозможно объяснить личностью Сократа не только по его изображенію, данному другими, на примѣръ Ксенофонтомъ, но и по изображенію, данному самими Платономъ. Вѣра въ загробную жизнь, всегда игравшая рѣшающую роль въ міросозерцаніи Платона и въ его сужденіи о человѣческихъ дѣлахъ, есть не сократовскій моментъ, который мы можемъ понять только изъ близкихъ отношеній Платона къ религіозному движенію его времени. Правда, и здѣсь намъ приходится довольствоваться одними лишь предположеніями и выводами изъ косвенныхъ дан-

ныхъ; но съ тѣхъ поръ какъ Эрвинъ Роде въ своей «Psyche» (2-е изд. 1898.) въ широкихъ размѣрахъ изслѣдовалъ и изобразилъ эти обстоятельства, мы стоимъ въ этомъ вопросѣ на болѣе твердой почвѣ, и Платонъ является намъ важнымъ дѣятелемъ великаго движенія, путемъ котораго трансцендентныя отношенія, вплетаемая греческимъ миеомъ въ человѣческую жизнь, готовились сложиться въ прочное и поучительное цѣлое.

Нѣтъ возможности установить, въ какіе моменты и при какихъ условіяхъ впервые сталкивались въ эти вліянія въ душѣ Платона; положеніе юноши главнымъ образомъ характеризуется тѣмъ, что онъ—всецѣло послѣдователь Сократа. Потому-то трагическая судьба учителя и потрясла его глубже, чѣмъ всѣхъ другихъ, и имѣла для него наиболѣе значительныя послѣдствія. Можно считать доказаннымъ, что процессъ, окончившійся мученической смертью Сократа, если и не имѣлъ съ самаго начала ясно выраженаго политическаго характера, то приобрѣлъ его во время разбирательства дѣла и особенно въ своихъ послѣдствіяхъ. Участіе въ немъ Платона вѣдшимъ образомъ сказалось въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ другими хотѣлъ поручиться за пену, на которую согласился Сократъ. Правда ли что болѣзнь, какъ намекаетъ «Федонъ», помѣшала ему провести послѣдніе часы вмѣстѣ съ другомъ, замѣнившимъ ему отца, — этотъ вопросъ остается открытымъ: это сомнительное показаніе можетъ быть и вполне понятнымъ съ литературной точки зрѣнія обманомъ.

Политическій характеръ процесса, однако, яснѣе всего сказывается въ томъ, что по окончаніи его большая часть членовъ сократовскаго кружка сочла разумнымъ удалиться изъ Аѳинъ и искать убѣжища въ гостепріимномъ домѣ Эвклида въ Мегарѣ. Туда направился и Платонъ. Это было въ 399 году; но здѣсь мы снова на продолжительное время теряемъ нить какихъ бы то ни было достовѣрныхъ хронологическихъ указаній. Продолжительность пребы-

ванія Платона въ Мегарѣ невозможно опредѣлить даже приблизительно; точно такъ же мы не въ состояніи точно опредѣлить послѣдовательность и продолжительность путешествій, предпринятыхъ имъ послѣ отбѣзда отсюда. Ближе всего къ дѣйствительности будетъ, вѣроятно, предположеніе, что изъ Мегары онъ, быть можетъ минуя Аѳины, направился къ африканскому берегу Средиземнаго моря, посѣтилъ Кирену и въ особенности Египетъ, затѣмъ около середины перваго десятилѣтія четвертаго вѣка н.э. которое, не поддающееся точному опредѣленію, время снова жилъ въ Аѳинахъ и отсюда еще до 390 года предпринялъ свое первое путешествіе въ Сицилію и Великію Грецію (Нижнюю Италію).

Такъ же мало достовѣрныхъ основаній мы имѣемъ для догадокъ о томъ, что придавало этимъ путешествіямъ особенную цѣну въ глазахъ Платона. Совершенно неизвѣстно, играли ли при этомъ какую-нибудь роль отношенія къ религіознымъ культамъ, и въ чемъ могли, кромѣ общаго обогащенія его познаній относительно міра и людей, заключаться данныя, способствовавшія его научному образованію и недоступныя для него литературнымъ путемъ, — это едва ли можно сказать. Естественно-историческихъ наблюденій, къ которымъ у него вообще было мало склонности, онъ при тогдашнемъ направленіи своего ума, вѣроятно, не искалъ и не собиралъ. Если же по разсказамъ онъ въ Киренѣ пользовался знакомствомъ знаменитаго математика Теодора, котораго впрочемъ онъ, кажется, зналъ еще въ Аѳинахъ и впоследствии прославилъ въ своемъ «Театетѣ», то здѣсь во всякомъ случаѣ вѣрно то, что въ это десятилѣтіе онъ очень усердно изучалъ математику, занялъ въ ней самостоятельное, почетное положеніе и началъ постигать ея значеніе для своей философской доктрины. Отсюда же первоначально возникли, вѣроятно, и научныя связи между нимъ и пифагорейцами, съ которыми у него въ Великой Греціи и Сициліи завязались дружескія отношенія.

Вернувшись спустя нѣсколько лѣтъ послѣ казни Сократа въ родной городъ, Платонъ нашелъ тамъ все ту же кипучую и страстную партійную борьбу, въ которую были вовлечены имя и личность его учителя. И на этотъ разъ онъ, повидимому, остался въ сторонѣ отъ активной политики; съ тѣмъ большей энергіей принялъ онъ, кажется, участие въ литературно-политической борьбѣ и въ то же время сдѣлалъ первыя попытки стать въ центрѣ теоретическаго движенія, стремившагося осуществить сократовскій идеалъ посредствомъ научнаго воспитанія и распространенія религіознаго образа мыслей. Очень мало вѣроятно, чтобы эта дѣятельность уже тогда получила замкнутую форму систематическаго преподаванія; гораздо естественнѣе предположить, что Платонъ, подобно Сократу, собиралъ вокругъ себя въ свободномъ общеніи извѣстное число единомышленниковъ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ тѣ измѣненія, которымъ начали подвергаться въ его говорахъ мысли сократовскаго кружка.

Смыслъ этихъ измѣненій мы узнаемъ изъ тѣхъ произведеній Платона, которыя нужно отнести приблизительно къ этому же времени. Въ нихъ мы видимъ два направленія. Съ одной стороны, сократовская философія дополняется частью подъ положительнымъ, частью подъ отрицательнымъ вліяніемъ софистическихъ теорій и особенно теорій Протагора, а, можетъ быть, въ извѣстной степени уже и подъ вліяніемъ математики, и она начинаетъ превращаться въ діалектическое и метафизическое учение, которое, однако, скорѣе лишь намѣчается и ищется, чѣмъ излагается и обосновывается. Съ другой стороны, нравственно-политическій идеалъ начинаетъ принимать болѣе опредѣленные очертанія, и недовольство современными смутами придаетъ стремленію преобразовать жизнь на научныхъ основаніяхъ страстную энергію, то исполненную надежды, то озлобленную, полную горечи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, между политической агитаціей и

научнымъ изслѣдованіемъ возникаютъ уже своеобразные религіозные догматы, цѣль которыхъ — служить теоретическимъ посредникомъ между первою и вторымъ.

Быть можетъ, это соединеніе научныхъ, нравственно-политическихъ и религіозныхъ интересовъ побудило Платона предпринять путешествіе въ западную часть греческаго культурнаго міра: тамъ, у пифагорейцевъ, онъ могъ надѣяться найти не только помощь въ своихъ научныхъ стремленіяхъ, но, быть можетъ, и энергическую поддержку въ своихъ политическихъ планахъ, неосуществившему которыхъ въ родной странѣ съ теченіемъ времени становилась для него все болѣе и болѣе ясной Пифагорейскій союзъ все еще былъ тамъ политической силой. Основанный въ концѣ шестого вѣка онъ въ послѣдовавшей затѣмъ страстной борьбѣ отстаивалъ съ переменнымъ счастіемъ аристократическое направленіе; все болѣе отбрасываемый вмѣстѣ съ послѣднимъ въ распряхъ изъ-за государственнаго устройства, онъ приобреталъ тѣмъ большее значеніе своими научными и религіозными стремленіями, которыя онъ съ самаго начала соединялъ съ политическими. И онъ также носилъ преобразовательный характеръ: онъ хотѣлъ сломить владычество толпы силою умственнаго развитія, нравственнаго образованія и религіознаго образа мыслей. Въ этихъ практическихъ интересахъ заключалось единство и внѣшняя связь союза, между тѣмъ какъ научная школа, возникшая на почвѣ математики, образовала, благодаря соприкосновенію съ различными философскими ученіями пятого вѣка, нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей.

Безъ сомнѣнія Платонъ, посѣщая на этотъ разъ пифагорейцевъ, ближе познакомился съ ихъ теоретическимъ ученіемъ и особенно съ мыслями Филолая, сочиненіе котораго онъ, какъ говорятъ, приобрѣлъ за крупную сумму денегъ; но значительное вліяніе, оказанное ими на его собственные мысли, онъ, правда, призналъ лишь гораздо позднѣе. Вна-

чалѣ же рѣшающимъ моментомъ было сродство религіозно-политическаго направленія. И въ этомъ отношеніи философу открывалось, повидимому, удобное поле дѣйствія въ Сиракузахъ.

Въ этой столицѣ греческаго Запада Діонисій уже болѣе десяти лѣтъ при различныхъ превратностяхъ судьбы удерживалъ въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Во внѣшней политикѣ ему удалось достигнуть соглашенія съ Каррагеномъ и съ греческими городами, внутри своего государства онъ искусно и умно держался надъ партійной борьбой, и въ то же время сумѣлъ окружить свое царствованіе блескомъ художественныхъ и научныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ это была выдающаяся, сильная личность, и неудивительно, что Платонъ, въ сочиненіяхъ котораго кое-гдѣ проглядываетъ та мысль, что установленія надлежащаго строя въ человѣческомъ обществѣ можно въ концѣ-концовъ ожидать только отъ энергичнаго, окруженнаго хорошими совѣтниками тирана, — что Платонъ надѣялся осуществить при помощи Діонисія свои идеальные планы.

Доступъ къ нему онъ получилъ черезъ посредство пифагорейскихъ круговъ, къ которымъ изъ приближенныхъ государя принадлежалъ его зять Діонъ, глава аристократической партіи при дворѣ. Съ его помощью философъ пытался повліять на тирана, который вначалѣ оказалъ ему ласковый пріемъ. Но эта попытка, подробности которой намъ неизвѣстны, плохо кончилась. Платонъ былъ арестованъ и въ качествѣ военнопленнаго выданъ спартанскому послу. Этотъ фактъ доказываетъ, что дѣло было не только въ нравственныхъ увѣщаніяхъ со стороны философа и въ неудовольствіи раздраженнаго тирана, какъ передаетъ анекдотическое преданіе, но что Платонъ, стоя на сторонѣ аристократическихъ пифагорейцевъ, игралъ, хотя бы и съ самыми идеальными намѣреніями, какую-нибудь роль въ интригахъ придворныхъ партій, и что онъ былъ, вѣроятно, политически скомпрометированъ.

Во всякомъ случаѣ отъ неприятой перспективы быть проданнымъ въ качествѣ военнопленнаго раба его освободило только чье-то дружеское заступничество (говорятъ о какомъ-то киренейскомъ философѣ по имени Анникеридъ).

Опытъ практической политики не удался, и когда Платонъ (около 388 года) вернулся къ себѣ на родину, онъ былъ на время такъ основательно излѣченъ отъ подобныхъ склонностей, что, какъ ни живо все еще носился передъ нимъ социальное-политическій идеалъ, онъ направилъ, однако, свою дѣятельность всецѣло на научное преподаваніе. Въ это время онъ основалъ свою школу, Академію, уже не какъ свободный кружокъ пріятелей для дружескаго общенія, но какъ прочный союзъ для совмѣстной научной работы. Руководительство и организація этой школы одѣлались самымъ любимымъ дѣломъ его жизни, и въ сравненіи съ этимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на товарищей и учениковъ даже его литературная дѣятельность втеченіе двухъ слѣдующихъ десятилѣтій явно отступила на второй планъ; онъ желалъ даже, чтобы она по существу являлась лишь художественнымъ отголоскомъ работы и успѣховъ общенія преподаванія и совмѣстнаго изслѣдованія. Въ этой дѣятельности Платонъ нашелъ соответствующее своей натурѣ поле, и онъ воздѣлалъ его счастливѣйшимъ образомъ: до самой смерти эти преподавательскія занятія составляли истинное содержаніе его жизни. Школа замѣняла ему семью, которой онъ не основалъ, и общественную дѣятельность, отъ которой онъ надолго отказался въ Афинахъ.

Какъ глубоко коренилась, однако, въ немъ склонность къ религіозному и политическому реформаторству — это мы узнаемъ изъ того, что посреди тихой научной работы онъ, уже на порогѣ старости, снова пускается въ приключенія на западномъ театрѣ событий. Ему было почти шестьдесятъ лѣтъ, когда (въ 368 г.) умеръ Діонисій, оставивъ власть своему сыну, тоже Діонисію. Діонъ, дядя молодого госу-

даря, тотчасъ же воспользовался случаемъ приобрѣсти влияние на дѣла правленія; во всей Сициліи и Нижней Италіи пиеагорейская партія воспрянула духомъ и стала снова играть значительную роль, и Платонъ послѣдовалъ приглашенію принять своими совѣтами участіе въ этомъ движеніи. Онъ произвелъ, повидимому, сильное впечатлѣніе на несамостоятельный умъ юнаго властелина; потому что даже когда Діонъ былъ вскорѣ вытѣсненъ противной партіей и изгнанъ Діонисіемъ, послѣдній позволилъ философу безъ помѣхи, но, правда и безъ всякаго успѣха, вернуться на родину *).

Но и этотъ урокъ не помѣшалъ Платону сдѣлать еще одну попытку. Между академіей и пиеагорейскимъ союзомъ устанавливались все болѣе близкія отношенія; Діонъ нѣкоторое время жилъ въ Аоннахъ, и какъ самъ онъ, такъ и другіе пиеагорейцы вращались въ платоновскомъ кругу. По ихъ настоянію философъ въ 363 году или нѣсколько позднѣе рѣшился предпринять третье путешествіе въ Сицилію, причемъ ближайшей цѣлью служило примиреніе между Діономъ и Діонисіемъ. Но если тщеславный государь и принялъ вначалѣ знаменитаго ученаго со всевозможнымъ почетомъ, то политическіе вопросы очень скоро привели къ разрыву. На этотъ разъ Платону снова грозила серьезная опасность, и онъ едва избѣгъ ея благодаря заступничеству тарентскаго правительства, состоявшаго изъ пиеагорейцевъ съ Архитомъ, другомъ академіи, во главѣ.

Съ этихъ поръ Платонъ, кажется, отказался

*) Подробностей второго и третьяго путешествія въ Сицилію также нельзя установить. Въ общемъ обстоятельства и мотивы изложены, вѣроятно, болѣе или менѣе достоверно въ седьмомъ изъ такъ назыв. платоновыхъ писемъ. Древнее преданіе приправляетъ рассказъ объ этомъ событіи анекдотами о томъ, какъ встрѣтились при дворѣ Діонисія Платонъ и софистъ-жуиръ Аристиппъ. Не неправдоподобное само по себѣ, это извѣстіе тѣмъ менѣе можетъ считаться достовернымъ, что изъ него не видно даже, идетъ ли рѣчь о старшемъ или младшемъ Діонисіи.

отъ всякаго вмѣшательства въ политику. У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его участіи въ борьбѣ за Сиракузы, въ которой Діонъ, свергнувъ тирана, и самъ нашелъ свою гибель,—хотя эта борьба происходила еще при жизни философа. Что онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ завязываются отношенія между Академіей и македонскимъ дворомъ, это, правда, не болѣе, какъ догадка, но она не включаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго: распаденіе аристократическихъ партій должно было въ концѣ-концовъ сдѣлать принципиальныхъ противниковъ демократіи сторонниками самодержавія. Правда, и послѣднее затѣмъ пошло совершенно иными путями, чѣмъ какіе предназначала ему фантазія великаго политика-идеалиста.

Въ кругу Академіи окончилась жизнь Платона; какъ предметъ любви и удивленія стоялъ онъ среди молодежи, которая, даже готовясь вступить на новые пути мысли и изслѣдованія, приносила ему дань благодарности и уваженія. Ему дано было до конца остаться неутомимо бодрымъ дѣятелемъ слова и пера: восьмидесятилѣтнимъ старцемъ тихо почилъ онъ, какъ говорятъ, на одномъ свадебномъ пиру (въ 347 г.).

И все таки, окидывая взоромъ всю эту жизнь, завершившуюся мирной дѣятельностью, мы выносимъ такое впечатлѣніе, какъ будто этой могучей личности не суждено было достигнуть удовлетворенія въ ея сокровеннѣйшихъ стремленіяхъ, дать просторъ своему чистому существу. Высокія нравственныя цѣли наполняютъ его душу, передъ нимъ носится идеальное возрожденіе его народа; очищенная серьезной работой мысли, политическая страсть побуждаетъ его къ спасительному и творческому дѣлу. Это—мотивъ, руководившій имъ впродолженіе всей его жизни. Но эта нравственно воодушевленная жажда творчества лишена возможности перейти въ реальное политическое дѣйствіе—лишена не только въ силу неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ Платонъ не можетъ найти подходящаго мѣста для

своего дѣла, но и благодаря его собственной натурѣ, благодаря разнообразію свойствъ его личности. Правда, онъ беспощаденъ въ критикѣ и въ нападеніи, онъ обладаетъ силой ненависти противъ того, что считаетъ пошлымъ или низкимъ, и даже передъ насиліемъ онъ не отступаетъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ. Но слишкомъ высоко лежатъ его идеалы надъ будничной дѣйствительностью, слишкомъ чиста и благородна его внутренняя жизнь для того, чтобы онъ сумѣлъ побѣдить реальныя силы жизни и подчинить ихъ своей волѣ; когда онъ пытается въ своихъ поступкахъ спуститься къ нимъ, его сила разбивается о нихъ. Онъ весь, до мозга костей—политическій мыслитель, но не государственный человѣкъ; онъ исполненъ тоски по широкой творческой дѣятельности, но онъ не человекъ дѣла.

Этотъ разладъ между его натурой и его жизнью никогда не прекратился вполне, хотя онъ нашелъ самый счастливый выходъ изъ него. На свѣтлыхъ высотахъ мысли явились ему тѣ идеалы, которыхъ онъ не могъ осуществить политической дѣятельностью; ему оставалось только тихимъ трудомъ возвращать въ своихъ товарищахъ и ученикахъ то познаніе и тотъ складъ мыслей, изъ которыхъ, какъ онъ предчувствовалъ, могла нѣкогда возникнуть лучшая жизнь человѣчества. И въ этой-то работѣ познания и въ художественной обработкѣ ея результатовъ страстность пророка очистилась и перешла въ ясное спокойствіе мыслителя; она оставалась въ немъ, какъ глубочайшій жизненный стимулъ, и все снова прорывалась съ вулканической силой; но именно въ этомъ соединеніи могучей потребности дѣйствовать и вліять со сдерживающей силой научнаго и художественнаго духа заключалась прелесть платоновой личности. Поэтому вся она цѣликомъ сказывается въ своеобразности его духовной дѣятельности: его дѣло—въ его ученіи.

II. Учитель.

Для историка Платонъ прежде всего является великимъ писателемъ,—и является имъ въ такой мѣрѣ, что въ этой области вдохновеннаго творчества невольно начинаешь видѣть главную сторону его дѣятельности; но онъ самъ говорить (особенно ясно въ «Федрѣ»), что письменную рѣчь хотѣлъ сдѣлать лишь художественнымъ отзвукомъ устной, истинное же свое призваніе видѣлъ въ живомъ воздѣйствіи путемъ устнаго преподаванія.

Почти нельзя сомнѣваться, что это воззрѣніе философа находится въ связи съ тѣмъ, чему онъ научился у Сократа. За время долготѣней дружбы съ нимъ Платонъ на самомъ себѣ испыталъ благотворное вліяніе непосредственнаго духовнаго общенія, и въ глазахъ созрѣвшаго ученика высшая задача должна была заключаться въ томъ, чтобы то же давать своимъ товарищамъ и послѣдователямъ. Въдѣ здѣсь дѣло было не только въ передачѣ и усвоеніи взглядовъ и теоретическихъ воззрѣній, но и въ томъ, чтобы вызвать и укрѣпить извѣстныя убѣжденія и направленія воли.

Въ то же время этотъ своеобразный видъ общенія имѣлъ и болѣе глубокое основаніе; оно заключалось въ сознаніи того высшаго единства разума, которое должно царить надъ случайными различіями индивидуальныхъ мнѣній,—въ томъ истинно философскомъ влеченіи, которое мимо всѣхъ личныхъ мнѣній и интересовъ должно приводить къ вѣчному